

«Красивый» обычай: к вопросу о генезисе и специфике функционирования колористического преобразования женского лица в русской народной культуре

Анна Владимировна Пронькина

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань, Россия
a.pronkina@365.rsu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения генезиса и специфики функционирования колористического преобразования женского лица в русской народной культуре. Для наиболее полной реализации цели исследования был использован целый ряд источников: научные труды, путевые заметки и описания, социально-философские сочинения, публицистика, произведения фольклора. В ходе исследования установлено, что на всех этапах отечественной истории до второй половины XIX столетия колористическое преобразование женского лица в народной среде имело весьма значительную степень распространения. Отсутствие исторических источников, фиксирующих изменение народного быта и нравов в хронологической последовательности, затрудняет комплексную периодизацию развития «красивого» обычая, однако, даже такая фрагментарность позволила предположить, что он оказался устойчив к смене социально-политических и религиозных ориентиров. Выявлено, что социальные границы использования притираний были достаточно широки. Сами притирания обильны, легко осязаемы. Их основная функция – не средство маскировки недостатков, не эстетика тела, а унифицированный способ вуализирования природного образа. Они не имели эталонного свойства, вдохновляясь которыми изменяли свою внешность, они – образчик, переносимый с одного лица на другой. Сделано предположение, что «красивый» обычай семантически оценивался подобно вестиментарному орнаменту, отражая некую совокупность изобразительных заклиний, идущих из глубины народной памяти; служил обращением к древней богине, под защитой которой находились женщины, данью традиции предков, предохранял от проникновения злых и нечистых сил.

Ключевые слова: традиции, обычаи, тело человека в культуре, тело человека в русской народной культуре, трансформация человеческого тела, практики трансформации человеческого тела, красота

Для цитирования:

Пронькина А.В. «Красивый» обычай: к вопросу о генезисе и специфике функционирования колористического преобразования женского лица в русской народной культуре // Русская филология и национальная культура. 2021. №1. Доступна по ссылке: <https://filolog-rgu.ru/wp-content/uploads/st3-2021.pdf>

Original article

A «Beautiful» tradition: on the genesis and specifics of the functioning of the coloristic transformation of the female face in russian ethnical culture

Pronkina A.V.

Ryazan State University named for S.A. Yesenin, Ryazan, Russia
a.pronkina@365.rsu.edu.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of the genesis and specifics of the functioning of the coloristic transformation of the female face in Russian ethnical culture. For the most complete realization of the research goal, a number of sources were used: scientific works, travel notes and descriptions, socio-philosophical writings, journalism, folklore works. In the course of the study, it was found that at all stages of national history until the second half of the XIX century, the coloristic transformation of the female face in the ethnical environment had a very significant degree of dissemination. The absence of historical sources documenting the change of ethnical life and mores in chronological order makes it difficult to comprehensively periodize the development of the «beautiful» tradition, however, even such fragmentarity suggests that it turned out to be resistant to the change of socio-political and religious orientations. It was revealed that, the social boundaries of the use of ointments were quite wide. The ointments themselves are abundant, easily palpable. Their main function is not a means of masking flaws, not the aesthetics of the body, but a unified way of veiling the natural image. They did not have a reference property, inspired by which they changed their appearance,

they are a sample transferred from one face to another. The assumption is made that the «beautiful» tradition was semantically evaluated like a vestimental ornament, reflecting a certain set of pictorial spells coming from the depths of ethnical memory; it served as an appeal to the ancient goddess, under whose protection women were, a tribute to the tradition of their ancestors, protected from the penetration of evil and unclean forces.

Keywords: traditions, human body in culture, human body in Russian ethnical culture, transformation of the human body, practices of transformation of the human body, beauty

Введение. В ходе многолетних исследований автора данной статьи установлено, что начало диссеминации колористического возделывания человеком собственного тела было положено еще в первобытную эпоху, сам же феномен окрашивания тела и его элементов зафиксирован у большей части мировых этносов. На самых ранних этапах развития человеческих сообществ окрашивание тела имело гигиеническое назначение, способствовало привлечению половых партнеров, несло значимую для окружающих информацию, сообщая о родовой принадлежности древнего человека, его роли и статусе в племени, личных качествах и заслугах. Обнаружены свидетельства и о символических формах росписи тела или его отдельных элементов, о включении «расписанного» тела в структуру инициации, в систему ритуально-магических действий, об обережной функции окрашивания – защита от негативных мистических и магических влияний. В процессе историко-культурной динамики этнических сообществ наблюдается переход от активного окрашивания тела природными красителями к иным соматико-культурным практикам. Так, южные и традиционно ориентированные этносы отдают предпочтение маскам и татуировкам, более северные и инновативные этносы используют лишь элементы окрашивания с целью ритуализации, стратификации и идентификации, передавая основную социокультурную функцию маркирования тела одежде и другим компонентам костюма. Представляется, что изучение истоков и хода развития колористического преобразования человеческого тела в каждой этнической культуре имеет фундаментальное значение для выработки понимания причин и следствий культуротворческого отношения человека к собственному телу.

Целью настоящего исследования, результаты которого освещаются в данной статье, является рассмотрение проблемы генезиса и специфики функционирования колористического преобразования женского лица в русской народной культуре.

Философско-культурологический подход к решению цели исследования обусловил выбор базовых общенаучных методов (анализ, описание, синтез, сравнение, обобщение, абстрагирование) и частнонаучных методов (компаративный, диалектический, семиотический, герменевтический, нарративный). Центральными методологическими принципами исследования избраны принципы объективности, всесторонности, детерминизма, историзма.

Для наиболее полной реализации цели исследования был использован целый ряд источников, который можно разделить на несколько групп: 1) научные труды; 2) путевые заметки и описания; 3) социально-философские сочинения, публицистика; 4) произведения фольклора (опубликованные материалы фольклорно-этнографической экспедиции).

Обсуждение основных результатов. Подлинные древнерусские документы, созданные до XI века, крайне малочисленны. Сведения, содержащиеся в них отрывочны, не позволяют составить общей картины жизнедеятельности людей. После принятия христианства на Руси по образцу византийских хроник начинают создаваться летописи, многие из которых сегодня известны благодаря спискам (переписям) XIV–XVIII веков с более ранних. В летописце Переяславля Суздальского, отражающем Владимирский летописный свод XIII века, указано, что *«радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай... <...> женский обычай у них непотребен, начинают друг перед другом чернить лица и натираться белилами»* [7, с. 20–21]. Фактически это первое, пусть и эмоционально окрашенное, упоминание о колористическом преобразовании женского лица в российской истории.

Согласно вышеназванной летописи женщины из племен радимичей, вятичей и северян уже активно использовали притирания. И не просто использовали, а включили их в разряд обычаев (*«женский обычай у них...»*), то есть унаследованных от предыдущих поколений стереотипных способов поведения, являющихся привычными и укоренившимися в быту. Точное время его появления установить невозможно, однако с большой долей вероятности это могло произойти до второй половины IX века.

Сложно говорить и о том, как развивался «красивый» обычай после образования Древней Руси, но то, что он оказался устойчив к смене социально-политических и религиозных ориентиров – факт бесспорный. Сквозь века его пронесли восточнославянские женщины, бережно охраняя ценности и смыслы, легшие в основу преобразования собственного тела.

Уже в самом начале существования Русского централизованного государства, возникшего в конце XV века, находим мы тому законные подтверждения, опираясь на многочисленные свидетельства иностранцев, бывавших в Московии в XVI–XVII веках – «Описание Московии неизвестного англичанина, служившего зиму 1557–1558 гг. при Царском дворе», «Путешествие в Московию» Рафаеля Барберини (1565 г.), «О государстве Московском» Джильса Флетчера (1588 г.), «Проезд через Московию персидского посольства» Вильяма Парри (1599–1600 гг.), «Состояние Российской державы и Великого княжества Московского в 1606 г.» Жака Маржерета (1606 г.), «История о великом княжестве Московском» Петра Петрея (1608–1614 гг.), «Руссия или Московия» Ельзевира из Лейдена (1630 г.) и, конечно же, «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» Адама Олеария (1633–1639 гг.). В частности, из этих свидетельств мы черпаем следующую информацию:

1) мазанья для лица также как и в более ранние эпохи входили в структуру образа жизни женщины в виде обычая, который строго соблюдался: «... у русских существует обыкновение краситься...» [15]; «... женщины обыкновенно употребляют румяны и белила...» [2]; «... там никто не обращает на это внимания, потому что таков у них обычай...» [21]; «... ее лицо было густо вымазано притираниями, равно как и лица других дам, согласно обычаю страны...» [Цит. по: 6, с. 396];

2) несоблюдение данной нормы могло караться общественным порицанием и публичным принуждением: «Знатнейшего вельможи и боярина князя Ивана Борисовича Черкасского супруга, очень красивая лицом, сначала не хотела румяниться. Однако ее стали донимать жены других бояр, зачем она желает относиться с презрением к обычаям и привычкам их страны и позорит других женщин своим образом действий. При помощи мужей своих они добились того, что и этой от природы прекрасной женщине пришлось белиться и румяниться и, так сказать, при ясном солнечном дне зажигать свечу» [14];

3) колористическое преобразование лица было широко распространено среди женского населения: «Позади него шла царица... ее лицо было густо вымазано притираниями, равно как и лица других дам...» [Цит. по: 6, с. 396]; «Молодые и старые, бедные и богатые румянятся и белятся...» [9, с. 39];

4) притирания были чрезмерны, легко воспринимаемы: «... так намазывают свои лица, что почти на расстоянии выстрела можно видеть наклепанные на лицах краски...» [15]; «... белятся и румянятся так много, что каждый может заметить...» [21]; «... румянятся и белятся, но весьма грубо...» [9, с. 40]; «... все румянятся и белятся, притом так грубо и заметно, что кажется, будто кто-нибудь пригоршнею муки провел по лицу их и кистью выкрасил щеки в красную краску» [14].

Вполне понятно, что такой «красивый» обычай приводил иностранных гостей в состояние изумления, непонимания, даже негодования, заставляя воображать самые различные способы истолкования, главные из которых все же сводились к весьма специфической эстетике тела, которая и приписывалась русским женщинам: «... стараясь скрыть дурной цвет лица...» [21]; «... обычай, который не только вполне нравится мужьям, но даже сами они позволяют своим женам и дочерям покупать белила и румяна для крашения лица и радуются, что из страшных женщин они превращаются в красивые куклы» [21]; «... во всеобщем употреблении притирания и румяна, дабы скрыть природные недостатки...» [5].

В самом деле, трансформация истинного лица имело место быть, но связано ли оно с природными недостатками, дурным цветом лица или с желанием сделаться красивой куклой? Надо полагать, что нет. Если опираться на приведенные свидетельства, то вырисовывается следующая картина. Набеленное и нарумяненное лицо в то время выступало подобием вуали, без которой женщина не могла и не должна была выходить в люди. Притирания здесь не средство маскировки недостатков, а стандартизированный способ сокрытия природного образа. Их наличие отражало саму суть женского положения в обществе, служило защитой от постороннего взгляда на ее естество. В данном контексте возможна прямая параллель с обязательным ношением замужней женщиной головного убора. «Грубость» нанесения красок может быть соотнесена с условностью изобразительных средств – локализация и цвет притираний отражали вполне конкретные представления о соответствии женского лица сложившимся социальным нормам, включенность женщины в род и общину, символически закрепляли и представления о красоте, связанные, тем не менее, не с эстетическими категориями, а с вполне конкретными физическими показателями, которые и мыслились как красивые. Если же сопоставить эти свидетельства с общим культурным и социальным контекстом, то, возможно, все окажется не таким очевидным, каким представляется на первый взгляд. Тем более что на эту версию нам прямо указывает Вильям Парри. Он пишет: «Ее (царицу. – примеч. автора) сопровождали до ше-

стидесяти очень красивых женщин, – если только притирания, которые у них считаются делом религиозным, не обманывали моих глаз» [Цит. по: 6, с. 396].

Притирания действительно могли быть «делом религиозным», точнее они могли исходить из древнего ритуального обычая. Бесспорно, ни о какой связи окрашивания лица и православия речи быть не может, а, следовательно, ритуальность эта языческой исконно славянской природы.

О язычестве восточных славян известно не так уж и много. Становление византийского канона повлияло на исчезновение активных культов, однако некоторые их элементы оставались и даже ассимилировались с отечественным вариантом христианства, что позволило им сохраниться до настоящего времени.

Одним из распространенных культов следует признать поклонение богине Ладе, следы которого легко обнаруживаются и в фольклоре, и в декоративно-прикладном творчестве всех славянских народов (поляков, словаков, словенцев, сербов, хорватов, далматинцев, болгар, русских, украинцев, белорусов). «А за пределами славянского мира имя Лады известно и балтийским народам – латышам и литовцам» [19]. Например, во многих русских народных песнях присутствуют своеобразные припевы типа «ой, Ладо, ой, Ладо», «ой, мати, Лада, мати», «ой, Лялё-Ляли» и другие, которые, по мнению исследователей древнеславянской культуры, могли служить формой обращения к божеству и ее детям – Леле (Ляле) и Лелю (Полелю).

«Само слово “лада”, – как указывает вслед за Б.А. Рыбаковым Д.М. Дудко, – означало у русских мужа, жену, любимого человека, у сербов – жену, у болгар – младшую дочь. Этим словом звала Игоря Ярославна. “Ладовать” на Волини означает “играть свадьбу”, у туляков и рязанцев – “сватать”; в русских говорах “лады” – “помолвка”, западноукраинское “ладканья” – “свадебная песня”. У болгар “ладуванье” – святочное гадание о женихе. Все эти слова родственны славянскому “лад” – “порядок”, “согласие”. То есть порядок, основанный не на страхе и насилии (даже оправданном), а на любви и согласии» [10]. Кроме того, широко известны такие однокоренные старорусские слова, как «ладно», «ладушки», «млада», «нелады», «улада».

Лада была олицетворением животворящей природы, обновления мира, праведного бытия, размножения, плодovitости. «В весеннюю пору прекрасная богиня вступала в брачный союз с могучим громовником, слала на землю благодатное семя дождей и оживляла природу» [1]. Перед вступлением в брак «весеннее солнце закрывалось дождевыми облаками – о нем говорили, как о стыдливой деве» [1], накинувшей на свою голову «небесное покрывало» – замужний головной убор. Белое, то есть светлое, источающее свет, «покрывало, которым окручивают голову невесты, ее фата, есть символическое знамение того облачного покрова, под которым являлась прекрасная богиня весны, рассыпающая на всю природу богатые дары плодородия» [1].

Лада «полна жизни, порождающей силы, веселья, порой разгульного, и самая смерть для нее – залог нового рождения» [10]. Считалась покровительницей любви, брака, семьи, рожениц. Ее энергия – солнечный свет, дающий тепло, согревающий землю и людей. Ее цвет – рдзрый, чермный (червчатый, червленьый, багровый, маковый); в современном языке – красный. При этом изначально слово «красный» обозначало светлый, яркий, блестящий. «От понятия о свете слово “красный” перешло к значению яркой краски, точно так, как прилагательное жаркий употребляется в областном языке в смысле оранжевый, а в Пермской губ. ягода клюква, ради ее красного цвета, называется жаравихой. Восходящее солнце, озаряя своими лучами мир, дает возможность созерцать все его великолепие; теплые дни, приводимые весенним солнцем, согревают землю и наряжают ее, словно невесту, роскошными цветами и зеленью. Естественно, что с представлениями света и солнца должна была сочетаться идея красоты: прекрасный, красовитый, красовитушко – приветствие милому, любимому человеку» [1].

Не случайно белый и красный цвета преобладали в русской праздничной одежде девушек и молодух (молодок, молодец, то есть просватанных или уже замужних бездетных женщин) в отличие, например, от баб (бабиц, то есть замужних женщин, имеющих, по крайней мере, одного ребенка). Вероятно, и само малевание семантически оценивалось подобно вестиментарному орнаменту, отражая некую совокупность изобразительных заклинаний, идущих из глубины народной памяти. Три базовых практически для всех культур цвета – красный, белый, черный – здесь могли иметь сложную многослойную символику. Предположим, что белый фон лица подчеркивал целомудрие, чистоту, искренность, набожность, скромность женщины, определял основу ее коммуникации в ситуации перехода между «мирами» (бытовым, семейным и праздным, общинным), олицетворял животворящее свечение души, жизнь, благодать. Красный в устах и румянце маркировал плодovitость, потоки жизненной силы, здоровье, активное женское начало. Черный контур, соединявший их вместе, довершал охранную компоненту верхней части тела. Все они в совокупности служили обращением

к древней богине, под защитой которой находились, данью традиции предков, предохраняли от проникновения злых и нечистых сил, уберегали женщину от «дурного глаза» и сглаза.

Несмотря на свидетельство Жака Маржерет («*Молодые и старые, бедные и богатые...*» [9, с. 39]), девочки, женщины среднего возраста и старухи притираний ни тогда, ни позже практически не использовали, особенно это относилось к румянам, неразрывно связанным с регулами и способностью к деторождению. «*По поверью, при появлении регул у девушки кто-нибудь из старших женщин в семье ударял ее по лицу, чтобы в лице у нее всегда были “краски”*» [11, с. 355]. Примечательно, что и сами регулы в народе не редко именовали красками.

Представленные в многочисленном поэтическом русском фольклоре красный, белый и черный цвета характеризовали те внешние данные женщины, которые должны были составлять все ее существо. Такова, например, героиня былины о женитьбе князя Владимира:

«Еще та Опракся да королевична
Красотой она красива да ростом высока,
А лицо-то у ей дак ровно белой снег,
У ей ягодицы быв красные мазовицы,
Ясны очи у ей да быв у сокола,
Брови черны у ей да быв два соболя,
А реснички у ей быв два чистых бобра» [4].

Или неизвестная девушка из старинной песни:

«Белое лицо как бы былой снег,
Ягодицы (на щеках) как бы маков цвет,
Черные брови как соболи,
Будто колесом брови проведены;
Ясные очи как бы у сокола...
Она ростом-то высокая,
У ней кровь то в лице словно белого зайца,
А и ручки беленьки, пальчики тоненьки...
Ходит она словно лебедушка,
Глазом глянет, словно светлый день...» [Цит. по: 6, с. 570].

Один из историков XIX века, написавший множество очерков, посвященных русскому быту, И.Е. Забелин следующим образом интерпретирует закрепление цветовой символики в колористическом преобразовании женского лица: «*Белизна лица уподоблялась белому снегу, – естественно было украшать его белилами в такой степени, что в цвете кожи не оставалось уже ничего живого, ибо и самый первообраз не указывал ничего живого или поэтически и эстетически жизненного. Самое сравнение: кровь-то в лице словно белого зайца, еще сильнее обозначает тоже представление о снеготипичной белизне лица. Щеки – маков цвет, или щечки – аленький цветочек, точно также свое идеальное низводили слишком прямо и непосредственно к простому материальному уподоблению красному цветку мака. Маков цвет должен был покрывать, как бы цветочек на самом деле, только ягодицы щек; таким образом снеготипичная белизна должна была довольно резко освещаться ярким алым румянцем, который не разливался по всему лицу, а горел лишь на ягодицах. Очень понятно, что при таком сочетании на лице белого и красного цвета, требовался и цвет волос на бровях и ресницах наиболее определенный, который бы как можно сильнее выделял эту писаную красоту всего лица. Конечно для такой цели ничего не могло быть красивее черных волос соболя, тонких, мягких, нежных, блестящих. Оттого соболю становится исключительным идеалом для характеристики бровей и черная соболия бровь, проведенная колесом, является необходимым символом красоты. Все это вместе служило самой выгодной обстановкой именно для светлости и ясности глаз. Ясные очи своим блеском, а вместе и взглядом, указывали идеал ясного сокола, который, по всему вероятию, и ясным обозначался тоже за особую светлость своих глаз» [6, с. 571].*

Любопытно и его мнение по вопросу обусловленности использования притираний: «*в сущности, – пишет Забелин, – основным понятием или основным представлением о красоте женского лица в допетровской Руси было простое представление о физическом цветущем здоровье. <...> Старинные допетровские красавицы... употребляли все усилия, чтобы казаться в полном смысле девицами красными и расцветчивали себя, как маков цвет. Идея романтической, сентиментальной красоты не была им известна; они еще были очень близки к самым реальным представлениям по этому предмету, к древнейшему коренному значению самого слова красота. Они еще переживали эпический*

возраст русского развития, а потому и были так материальны в своих понятиях о красивом лице» [6, с. 572–573].

Очевидно, что указанные выше характеристики не имели эталонного свойства, вдохновляясь которыми изменяли свою внешность, они суть образчик, переносимый с одного лика на другой, а сам «красивый» обычай, по свидетельству еще одного историка русской старины В.О. Ключевского, «имел просветительно-благотворительную цель, заставляя счастливо одаренных поступаться долей полученных даров в пользу обездоленных» [8, с. 11].

Именно эти обстоятельства не дают нам права считать применение притираний следствием щегольства, поскольку последнее есть способ выражения индивидуальности, для которой в русской традиции пока еще не было места: *«лицо тонуло в обществе, было дробной величиной “мира”, жило одной с ним жизнью, мыслило его общими мыслями, чувствовало его мирскими чувствами, разделяло его повальные вкусы и оптовые понятия, не умея выработать своих особых, личных, розничных, и ему позволялось быть самим собой лишь настолько, насколько это необходимо было для того, чтобы помочь ему жить как все, чтобы поддержать энергию его личного участия в хоровой гармонии жизни или в трудолюбиво-автоматическом жуужжании пчелиного улья» [8, с. 13].*

В XVIII–XIX столетиях, когда «красивый» обычай полностью уходит в народную среду, которая бережно охраняла исконные традиции, колористическое преобразование собственного тела фактически имеет тот же статус и, по-видимому, тот же смысл, что и прежде. Принятие и начало употребления красок также совпадает со сменой положения в обществе, обусловленной взрослением и переходом из девушки в невесты. Этот этап, как и собственно иные случаи использования притираний у русских, наиболее ярко отразился в обрядовых песнях:

«Наши девушки молоденькие,
Не белены, не мазаные,
Женихам еще не казаные.
Мы набелимся, намажемся,
Женихам то мы покажемся» [3, с. 44–45].

Показ женихам традиционно осуществлялся на народных гуляниях, не редкими были и молодежные сходки. Так, в Курской губернии на популярных таночных процессиях зафиксированы следующие образы девушек-участниц:

1) *«Лица девушек... представляли нечто ужасное. Взглянув на них, вы невольно могли подумать, что все они замаскированы. Так они были выбелены и нарумянены. Каждая из тогдашних девушек (и женщин) не то что намазывали или подкрашивали свое лицо или гримировали его, нет, на этом, так сказать, основном материале, производилась полная операция. Поверхность лица была выбелена тщательным образом, резко оттеняя цвет кожи на шее; на щеках были нарисованы красные пятна – у иной в форме площади круга, у другой они имели овальную форму, у третьей – полосочками и т.д. Раскрашивание лица было обычаем, он держался твердо и неукоснительно» [Цит. по: 18, с. 94].*

2) *«Лица хороводниц представляли собой не что иное, как своего рода маски, так они были все выбелены, нарумянены и, наконец, насурмлены. Бывало, как взглянешь на целые десятки таких масок, да еще с накрашенными губами, испытываешь пренеприятное впечатление. Трудно представить себе, как в это время было распространено раскрашивание физиономий в среде женщин и как, помимо всего прочего, поражал контраст между их расштукатуренными лицами и обыкновенными лицами молодых людей, шедших со своими товарками под руку. А между тем по стародавним обычаям, появление женщины не набеленной, не нарумяненной и не насурмленной казалось чем-то просто немислимым и невозможным» [Цит. по: 18, с. 94–95].*

А на Валаамской ярмарке 1785 года, на которую очень много съехалось народа со всей округности Ладожского озера, член Петербургской академии наук Н.Я. Озерецковский наблюдал такую картину: *«Деревенские женщины и девки ранее всех от сна пробуждались и, вставши, немедленно бросались к воде, чтоб умываться. Действие сие продолжается у них немало времени, потому что оне, во-первых, полощутся водою, потом моются мылом, которое смыв, натираются белилами и, натершись, стоят или сидят на судах без всякого действия, давая время белилам хорошенько во-браться в кожу. После сего бережно смывают их с лица; и как многие из них зеркал не имеют, то смотрятся в воду и помощью сего зеркала уравнивают на себе подложную белизну, которую наконец прикрашивают румянами; надевают на себя кумашины сарафаны и повязываются алыми платками или лентами и тогда уже с судов своих сходят. Многие без сомнения уборку сию похулят, особливо за излишнее употребление белил, которые состояются из вредной свинцовой извести, но поелику деревенские женщины убираются таким образом только во время ярманки, а в домах у себя*

в одни большие праздники, то беленье сие нимало лиц у них не портит, а доказывает напротив того их опрятность, веселость духа и охоту нравиться, когда есть кому казаться. Из сего ясно также видеть можно, что в нравах их грубости нет и что народ, который печется об убранстве, весьма способен к принятию просвещения ему приличного» [13].

На святки вся сельская молодежь ходила по избам, распевая колядки (колядовки, туасень) – календарные обрядовые песни. Девушки-невесты, нарядившись по обычаю, ходили только по тем домам, в которых живут женихи, и пели:

«Не летай-ка ты, сокол, высоко,
Тау сень!
Не маши ты крылами далеко.
Много бояров во Москве,
Нет боле крестьян по Русе,
Нет такого молодца,
Как Ивана Иваныча.
Он на добром коне поезживает,
Шелковой плеткой помахивает,

На высок терем поглядывает.
В высоком новом тереме
Сидит девица-душа,
(тут именуется одна
из пришедших девиц-невест)
И бела, и румяна, хороша,
Что на грамотке написанная»
[12, с. 75].

Мотив «белена – румяна» или «белиться – румяниться» раскрывается и в других праздничных песнях. Например, при встрече масленицы в Дмитровском уезде запевали:

«Дорогая наша гостья, масленица,
Авдотьюшка Изотьевна!
Дуня белая, Дуня румяная,
Коса длинная, триаршинная,
Лента алая, двуполтинная,
Платок беленький, новомодненький,
Брови черные, наведенные,
Шуба синяя, лапки красные,
Лапти частые, головастые,
Портянки белые, набеленные!» [12, с. 162].

Не удивительно, что притирания непременно входили в структуру даров жениха (кладка, скрута, поневестины) будущей супруге и ее подругам при ладовании. Любопытный образец того приведен в рассказе крестьянки Старорусского уезда Новгородской губернии, опубликованном в «Новгородских губернских ведомостях» в 1869 году:

«Уж ты, большая дружка,
послушай,
Мы тебя взвеличаем,
По имени называем,
По отчеству величаем,
Уж как ты роду большого,
Отца, матери честного:
На тебе кафтан камчатный,
Разбирай мощну шелкову,
Вынимай гривну золотую,
Дари девиц по гривне,
Молодым молодичам
на белила,
Красным девушкам
на румяна,
Еще маленьким ребятам
на орехи.
Уж как мы живем
при дороге,

Без белил-то,
без румян мы не ходим.
Уж мы по воду пойдем –
набелимся,
Со водой идем –
румянимся!».
<...>
«Не скупися, не скупися:
Золотой казны не скопити,
Жене фerezей не сшити!
Хоть сошьешь – замазает,
Она в пир пойдет –
потеряет.
Мы, девушки горожанки,
Без белил, без румян
не ступим,
Без калача есть
не сядем» [12, с. 339–341].

Румяна и белила – неотъемлемая часть и самой свадьбы на разных ее стадиях, будь то сватовство, просватанье, «пропой» невесты, скрутошник, плаканье, девичник, свадебник и т.п. Если внимательно знакомиться с содержанием свадебных песен, то мы сможем не только прикоснуться к удивительно яркому и содержательному миру русской свадьбы, но и воссоздать искомые элементы внешнего облика, поскольку песни «звучали в течение всего обряда и были своеобразным “прологом”,

“главами”, “частями” и “эпилогом” обрядовой игры, поэтически воссоздавая каждый эпизод свадьбы» [12, с. 345].

В Корбангской волости Вологодской губернии после «пропоя» при разборе даров жениха невеста, обращаясь к родителям и подружкам, пела:

«У себя ли во честном дому
Родимый мой батюшка
И родимая матушка?
Погляди, сударь батюшко
И родимая матушка,
На меня, красну девицу,
Каково я нарядиласе,
Бело ли набелиласе,
Румяно ли намазалася
И поставно ли наложила
Свою скрутушку добрую

В остальные, во последние
Во душах красных девицах.
У себя ли во честном дому
Мои милые подруженьки?
Посмотрите, подруженьки,
На меня, красну девицу,
Я каково нарядиласе,
Бело ли набелиласе
И поставно ли наложила
Свою скрутушку добрую»
[3, с. 79–80].

Девичник во многих районах России проходил в бане, и был связан с ритуалами очищения молодой. «Покрытую “от сглаза” платком невесту вели в баню. Подруги трепали веник и прутиками вершили дорогу. На венике и каждом прутике привязывались ленты. Вершат дорожку две девушки: одна с одной стороны, другая – с другой. Три-четыре девушки раздевались, мылись с невестой. Ребята толпились вокруг бани, некоторые залезали на крышу. Пели частушки, прибаутки. После бани невесту ведут домой. Невеста угощает девушек чаем и одаривает лентами. Ленточки снимают с веника. Одна из девушек заплетает сговоренке косы» [12, с. 374].

Во время девичника наибольшее распространения имели песни-причитания или причитания, в которых невеста прощалась с прежней веселой и беззаботной жизнью, готовилась к будущей семейной:

«Аи! Сборы, сборы Грушенькины!
Аи! Сборы, сборы Ивановнины!
Сбирала подруг за свой стол,
Сажала подруг высоко,
Сама садилась выше всех,
Клонила голову ниже всех,
Думала думушку крепче:
“Сестрицы мои, подруженьки!
Придумайте мне, пригадайте,
Как-то мне прийти ко свекру,
Как-то мне назвать свекра-та?

Мне свёкром назвать – осердится,
Мне батюшкой назвать – не хочется:
Убавлю я спеси и гордости,
Прибавлю ума-разума,
Назову свёкра батюшкой,
Лютую свекровь – матушкой;
Я с того худа не буду,
С белого лица не спаду,
С алых румян не ступлю,
С белых белил не сойду”» [12, с. 380–381].

Утром в день свадьбы происходили сборы невесты к встрече свадебного поезда. Подружки помогали умыться, одеться, притираться, и пели:

«В тереме да Лукерьюшка убиралася,
В высоком Сергеевна умывалася,
Белыми белилами она белилася,
Алыми румянами она румянилася,
Черными сурмилами брови сурмила.
Белые белила из Бело-города,
Алые румяна из красной Москвы,
Черные сурмила из Черна-города» [12, с. 403].

Особенно обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на активное использование притираний, обрядовый свадебный фольклор стремился подчеркнуть естественность облика невесты в хвалебных запевах жениха:

«Как моя-то жена, женушка
Всех красивей, всех пригожее,
Без белил она белешенька,
Без мазил – румяшенька,
Ее бить-то, так ручки болят,

Целовать-то, так люди глядят»
[3, с. 63–64].

«Как моя-то Валентинушка

Без белил она белешенька,
Без мазил румяшенька,
Без подстава высокошенька,

Она без юбочки толстешенька»
[3, с. 67].

Вместе с тем, румяна и белила становились предметом не только обрядовых, но и шуточных песен:

«Пошел козел в огород,
Поел козел лук, чеснок,
Всю белую капусту.
Возьму козла за рога,
Поведу козла на базар,
Продам козла на мыло,
На белое белило,
На алые румяна,
На черное сурмило.
На ту пору муж на двор.
– А что, жена, ты бела?»

– Муку, сударь, сеяла.
– А что, жена, румяна?
– Против пыла стояла
– А что, жена, бровь черна?
– Лучивушку изымала,
За бровушки хватала.
– А где, жена, бел козел?
Пошёл козёл под гору,
Сломил себе голову!
– А где, жена, голова?
– За водой уплыла» [17].

А в малых формах устного народного творчества можно обнаружить множество связанных с притираниями повседневных пословиц и поговорок: «Дал бы бог дородство, а красоту сама добуду (румяна)»; «Алый цвет по лицу расстиляется, белый пух по груди рассыпается»; «Фетинья – белые белилы, Афимья – алые румяна»; «Кривое закрасится»; «Каков родился, таков и есть: сверху не красишь»; «Не к рожге румяна, не к рукам пироги»; «Набелилась, нарумянилась, насурьмилась и раздушилась»; «Лбом красится, а затылок виши едят»; «Белила не сделают мила»; «Подо нрав не подбелишься»; «Не к рожге белила, не к очам сурьма, не к лицу румяна».

Со второй половины XIX столетия, вслед за изменением социально-экономических и социокультурных условий, начинается процесс перехода от обрядового колористического преобразования собственного лица к эстетическому. Использование притираний начинает обуславливаться потребностью нравиться представителю мужского пола, соображениями о физической красоте, которая, однако, все еще воспринимается как установление, напрямую связанное не с абстрактным идеалом, но обусловленное пользой. «Красивый» обычай постепенно забывается, растворяется в прошлом:

«Не белись мое, не белись мое
Лицо белое, лицо полное!
Не румяньтесь, не румяньтесь
Щеки алые, щеки алые!
Не сурьмитесь, не сурьмитесь
Брови черные, брови черные!» [20, с. 9].

Выводы. Как было установлено, на всех этапах отечественной истории до второй половины XIX столетия колористическое преобразование женского лица имело весьма значительную степень распространения. Отсутствие исторических источников, фиксирующих изменение народного быта и нравов в хронологической последовательности, затрудняет комплексную периодизацию развития «красивого» обычая, однако, даже такая фрагментарность позволяет предположить, что он оказался устойчив к смене социально-политических и религиозных ориентиров.

Вероятно, «красивый» обычай семантически оценивался подобно вестиментарному орнаменту, отражая некую совокупность изобразительных заклинаний, идущих из глубины народной памяти; служил обращением к древней богине, под защитой которой находились женщины, данью традиции предков, предохранял от проникновения злых и нечистых сил. Ни о какой самостоятельной эстетике здесь просто не могло быть и речи. Состояние женского лица в русской народной культуре – установленный порядок презентации тела и отношения к нему, дарованный богами и родом, обращенный к ним. Внешнее служило прямым выражением внутреннего, а значит, образ лица напрямую или индизонимно должен был отображать самую сущность души, ее высокие устремления, нравственность, набожность, уважение к предкам и прошлому. Многочисленные обычаи и обряды, связанные с телом (в том числе и с его колористическим преобразованием), закрепляли в сознании людей определенную систему смыслов и ценностей, большая часть которых имела культовый характер, не допускали возможности ослушаться, нарушить передаваемые из поколения в поколение правила. Безусловно, следование установленным стандартам располагало к некоторому (а иногда и значительному) растворению личного в социальном, поскольку персональные параметры неизбежно подстраивались под об-

щепринятые нормы, однако таков закон традиционных обществ, без поддержания которого невозможна реализация их основополагающих идей – синкретичности, укорененности, вневременной стабильности. Таков закон и «красивых» обычаев. Пока люди коллективно чтят и соблюдают их, первоначальный замысел сохраняется и они движутся сквозь века.

Предельную границу функционирования «красивого обычая» в русской народной культуре можно обозначить второй половиной XIX – началом XX столетий. Это обусловлено тем, что вместе с «европейскими модами» в обновляющуюся Россию постепенно приходит принципиально иное отношение к женщине и к женской красоте, формируются представления об идеалах, о вкусе и мере, о физической attractiveness, о способах и назначении прикрас.

Список источников

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. URL: <http://slavya.ru/trad/afan/V.htm> (дата обращения: 20.09.2021).
2. Барберини Р. Путешествие в Московию. URL: http://drevlit.ru/texts/b/b_barberini2.php (дата обращения: 20.09.2021).
3. Вологодский фольклор / Научн. ред. К. Н. Феноменов. Вологда : Северо-Западное книжное издательство, 1975. 262 с.
4. Дунай Иванович : былина. URL: <http://feb-web.ru/feb/byliny/texts/bpu/BPU-1952.HTM> (дата обращения: 20.09.2021).
5. Ельзевир. Руссия или Московия. URL: <http://drevlit.ru/texts/ay/aylzivir.php> (дата обращения: 20.09.2021).
6. Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях / Отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2014. 704 с.
7. Инков А. А. Летописец Переяславля Суздальского: предисловие, перевод, комментарий. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2016. 296 с.
8. Ключевский В. О. Исторические портреты. М. : Правда, 1990. 624 с.
9. Маржерет Ж. Состояние Российской державы и Великого княжества Московскаго в 1606 г. М. : Польза, 1913. 107 с.
10. Матерь Лада. Божественное родословие славян. Языческий пантеон / Предисловие, словарные статьи, глоссарий и комментарии Д. Дудко. URL: http://www.rodnovery.ru/attachments/arti-cle/994/Mater_Lada_Vozhest_vennoe_rodoslovie_slavyan.pdf (дата обращения: 20.09.2021).
11. Мужики и бабы: мужское и женское в русской традиционной культуре : иллюстрированная энциклопедия / Д. А. Баранов, О. Г. Баранова, Т. А. Зимина и др. СПб. : Искусство-СПб, 2005. 686 с.
12. Обрядовая поэзия / Сост., предисл., примеч., подгот. текстов В. И. Жекулиной, А. Н. Розова. М. : Современник, 1989. 735 с.
13. Озерецковский Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. URL: <http://textarchive.ru/c-2628160-pall.html> (дата обращения: 20.09.2021).
14. Олеарий А. Описание путешествия в Московию. URL: <http://www.bibliotekar.ru/rus/27-3.htm> (дата обращения: 20.09.2021).
15. Описание Московии неизвестного англичанина, служившего зиму 1557–1558 гг. при Царском дворе. URL: http://drevlit.ru/texts/n/neizv_angl.php (дата обращения: 20.09.2021).
16. Петрей П. История о великом княжестве Московском. URL: http://www.booksite.ru/ancient/reader/opinion_text_6.html (дата обращения: 20.09.2021).
17. Пошел козел в огород... // Русская литература и фольклор: фундаментальная электронная библиотека. URL: <http://feb-web.ru/feb/byliny/texts/so7/so73142-.htm> (дата обращения: 20.09.2021).
18. Руднева А. В. Курские танки и карагоды. М. : Советский композитор, 1975. 309 с.
19. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. URL: https://drive.google.com/uc?export=download&confirm=no_antivirus&id=0BztnwEUDLb2daFJmNktWOTBfbkE (дата обращения: 20.09.2021).
20. Трутовский В. Ф. Собрание русских простых песен с нотами. М. : Гос. муз. изд-во, 1953. 180 с.
21. Флетчер Д. О государстве Московском. URL: http://www.pseudology.org/History/Fletcher_O_gosudarstveRusskom2.pdf (дата обращения: 20.09.2021).

References

1. Afanasyev A. N. Poeticheskiye vozzreniya slavyan na prirodu: opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predaniy i verovaniy v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugikh rodstvennykh narodov. URL: <http://slavya.ru/trad/afan/V.htm> (data obrashcheniya: 20.09.2021). (In Russ.)
2. Barberini R. Puteshestviye v Moskoviyu. URL: http://drevlit.ru/texts/b/b_barberini2.php (data obrashcheniya: 20.09.2021). (In Russ.)

3. Vologodskiy folklor / Nauchn. red. K. N. Fenomenov. Vologda : Severo-Zapadnoye knizhnoye izdatelstvo, 1975. 262 s. (In Russ.)
4. Dunay Ivanovich : bylina. URL: <http://feb-web.ru/feb/byliny/texts/bpu/BPU-1952.HTM> (data obrashcheniya: 20.09.2021). (In Russ.)
5. Elzevir. Rossiya ili Moskoviya. URL: <http://drevlit.ru/texts/ay/aylzivir.php> (data obrashcheniya: 20.09.2021). (In Russ.)
6. Zabelin I. E. Domashniy byt russkikh tsarits v XVI i XVII stoletiyakh / Otv. red. O. A. Platonov. M. : Institut russkoy tsivilizatsii, 2014. 704 s. (In Russ.)
7. Inkov A. A. Letopisets Pereyaslavlya Suzdalskogo: predisloviye. perevod. kommentariy. M. : Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 2016. 296 s. (In Russ.)
8. Klyuchevskiy V. O. Istoricheskiye portrety. M. : Pravda, 1990. 624 s. (In Russ.)
9. Marzheret Zh. Sostoyaniye Rossiyskoy derzhavy i Velikogo knyazhestva Moskovskago v 1606 g. M. : Polza, 1913. 107 s. (In Russ.)
10. Mater Lada. Bozhestvennoye rodosloviye slavyan. Yazycheskiy panteon / Predisloviye. slovarnyye stati. glossariy i kommentarii D. Dudko. URL: http://www.rodnovery.ru/attachments/article/994/Mater_Lada_Bozhestvennoe_rodoslovie_slavyan.pdf (data obrashcheniya: 20.09.2021). (In Russ.)
11. Muzhiki i baby: muzhskoye i zhenskoye v russkoy traditsionnoy kulture : illyustrirovannaya entsiklopediya / D. A. Baranov, O. G. Baranova, T. A. Zimina i dr. SPb. : Iskusstvo-SPB, 2005. 686 s. (In Russ.)
12. Obryadovaya poeziya / Cost., predisl., primech., podgot. tekstov V. I. Zhekulinoy. A. N. Rozova. M. : Sovremennik. 1989. 735 s. (In Russ.)
13. Ozeretskovskiy N. Ya. Puteshestviye po ozeram Ladozhskomu i Onezhskomu. URL: <http://textarchive.ru/c-2628160-pall.html> (data obrashcheniya: 20.09.2021). (In Russ.)
14. Oleariy A. Opisaniye puteshestviya v Moskoviyu. URL: <http://www.biblio.tekar.ru/rus/27-3.htm> (data obrashcheniya: 20.09.2021). (In Russ.)
15. Opisaniye Moskovii neizvestnogo anglichanina. sluzhivshogo zimu 1557–1558 gg. pri Tsarskom dvore. URL: http://drevlit.ru/texts/n/neizv_angl.php (data obrashcheniya: 20.09.2021). (In Russ.)
16. Petrey P. Istoriya o velikom knyazhestve Moskovskom. URL: http://www.booksite.ru/ancient/reader/opinion_text_6.html (data obrashcheniya: 20.09.2021). (In Russ.)
17. Poshel kozel v ogorod... // Russkaya literatura i folklor: fundamentalnaya elektronnyaya biblioteka. URL: <http://feb-web.ru/feb/byliny/texts/so7/so73142-.htm> (data obrashcheniya: 20.09.2021). (In Russ.)
18. Rudneva A. V. Kurskiye tanki i karagody. M. : Sovetskiy kompozitor. 1975. 309 s. (In Russ.)
19. Rybakov B. A. Yazychestvo drevnikh slavyan. URL: https://drive.google.com/uc?export=download&confirm=no_antivirus&id=0BztnwEUDLb2daFJmNktWOTBfbkE (data obrashcheniya: 20.09.2021). (In Russ.)
20. Trutovskiy V. F. Sobraniye russkikh prostykh pesen s notami. M. : Gos. muz. izd-vo. 1953. 180 s. (In Russ.)
21. Fletcher D. O gosudarstve Moskovskom. URL: http://www.pseudology.org/History/Fletcher_O_gosudarstveRusskom2.pdf (data obrashcheniya: 20.09.2021). (In Russ.)

Информация об авторе

Пронькина Анна Владимировна – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.